

Смерть немецким оккупантам!

ЮР. КОРОЛЬКОВ

АВТОМАТЧИК МИЛЬДЗИХОВ

**Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны**

1 9 4 3

Замаскировавшись в кустарнике, группа бойцов охраняла дорогу. Хазимурза Мильдзихов лежал у трофейного пулемёта. По шоссе проходила колонна наших грузовых машин. Вдруг из-за леса вынесся фашистский бомбардировщик, развернулся и с рёвом стал пикировать на колонну. Хлестнули пули. Хазимурза поднял пулемёт, прицелился, и свинцовая струя взметнулась навстречу «Юнкерсу». Не успев сбросить груз, самолёт упал вблизи дороги и взорвался на собственных бомбах.

Ещё не рассеялся дым от взрыва, когда на дороге, около окопов, занятых бойцами, остановилась легковая машина. Из неё вышел генерал- 3

майор и, заметив бойцов, сердито, как показалось Мильдзихову, спросил:

— Кто стрелял по самолёту?

Хазимурза молча стоял в окопе: уж не подбил ли он по ошибке свой самолёт?

Генерал подошёл ближе.

— Я стрелял, товарищ генерал-майор.::

— Молодец! Одним стервятником меньше. Садись в машину.

По дороге генерал расспрашивал пулемётчика, как всё произошло. На полевом аэродроме Мильдзихов провёл весь день и возвратился к товарищам нагружённый подарками, довольный и радостный.

Случилось это в первые дни войны. Хазимурза был тогда ещё молодым, необстрелянным бойцом хозяйственного взвода.

...К осени бои шли уже у берегов озера Ильмень. Здесь наши части остановили натиск немцев и среди болот закрепились на новых рубежах. Часы временного затишья сменялись малыми контратаками и вылазками во вражеский тыл. Сдерживая врага, бойцы готовились к решающим ударам. В дивизии, где служил Мильдзихов, начали подбирать добровольцев в отряд автоматчиков. Двадцатитрехлетний комсомолец Мильдзихов, ещё в своем родном Эльхотове (Северная Осетия) славившийся зорким глазом, пришёл к командиру и заявил о своём желании стать автоматчиком.

4 Как-то ночью бойцы строили блиндажи — рыли котлованы, подносили брёвна, пилили, те-

сали. В разгар работы к наполовину готовому блиндажу подошёл человек в полушубке и валенках, с самокруткой в зубах.

— Ну, как, скоро новоселье будем справлять? — спросил он.

Мильдзихов заваливал в это время накат землёй и в тон прищельцу шутя ответил:

— А ты пособи лучше. Мороз вон какой. Без дела и простудиться можно!..

— Это тоже верно!

Человек взял лопату и вместе с бойцами начал засыпать накат. Когда закончили работу, остановились перекурить. Мильдзихов достал кшесет, протянул его человеку в полушубке:

— За отличную работу — закуривай!

Тот свернул самокрутку, чиркнул спичкой, и при свете ее Хазимурза увидел командирские петлицы своего собеседника.

— Простите, а кто вы будете? — смутился Мильдзихов.

— Я? Ваш новый комиссар отряда, Финкельштейн. А твоя как фамилия?

Мильдзихов еще больше смутился. Он назвал свою фамилию и что-то невнятно проговорил.

Комиссар рассмеялся.

— Ничего, ничего! В темноте разобрать трудно. Я люблю весёлых ребят. Отдохнешь, заходи ко мне в блиндаж. Поговорим...

Днём Мильдзихов явился к комиссару и был назначен связным при штабе отряда.

Не раз, бывало, в короткие минуты досуга, 5

Сидя в блиндаже при тусклом свете коптилки, пылкий комсомолец спрашивал у комиссара:

— Скажите, товарищ комиссар, зачем мы сидим в обороне? Немцев гнать надо!

— Надо, — неизменно спокойно отвечал Финкельштейн. — Подожди... Все ждём.

И вот пришёл, наконец, час, когда комиссар, с трудом сдерживая радостное волнение, сказал:

— Ну, вот, Мильдзихов, дождались мы... Вызывай командиров.

Ночь была морозная, тёмная. На ветвях елей лежали высокие папахи снега. Бойцы в маскировочных халатах выстроились в лесу перед командиром отряда лейтенантом Черновым.

Предстоял тяжёлый рейд в тыл врага. Лейтенант подал команду. Одна за другой таяли во мраке фигуры бойцов. Проводники-партизаны вели отряд по глубоким снегам, через замёрзшие болота, по тропинкам, известным только им. Отряд шёл на запад расчищать путь наступающим батальонам. Он должен был оседлать дорогу между деревнями Вершины и Высочек, по которой фашисты подтягивали свои силы.

Какое-то странное чувство испытывал Хазимурза. Это был его первый наступательный бой. Все бойцы отряда были отлично вооружены. У каждого на ремне висел автомат, дисков было вдоволь, а Хазимурза набил ещё патронами карманы и вещевой мешок.

— Без хлеба, без сухарей можно прожить несколько суток, — говорил он, — а нехватит патронов — долго не проживешь.

Отряд углубился на несколько километров во вражеский тыл. Вдруг впереди раздались выстрелы и взрывы гранат: немецкий дозор обнаружил наших автоматчиков. Лейтенант Чернов приказал пробиваться вперёд. Завязался скоротечный ночной бой. Немцев быстро оттеснили, а когда утихла стрельба, Мильдзихов позвал комиссара отряда.

— Возвращайся назад, — сказал Финкельштейн, — посмотри, не остались ли раненые. Если есть, — отправь их в тыл и нагоняй отряд.

Связной сошёл с тропинки в снег, уступая дорогу бойцам. С заиндевевшими ресницами, разгорячённые схваткой, проходили мимо него товарищи. Он знал каждого из них. Вот бакинский нефтяник Анашкин, лейтенант Глухов, Ефимов, весёлый баянист-украинец Забава, казах Ибрагимов, уралец Базаев. Хорошие, дружные и храбрые ребята! С разных краёв, отовсюду пришли они сюда, к Ильменю, на Валдай, на фронт. Недавно узнал их Хазимурза, а кажется, всю жизнь провели они вместе, точно с детства были соседями...

Пропустив весь отряд, Мильдзихов вернулся к месту недавней схватки. Раненых уже подобрали санитары и отправили в часть. Приказ комиссара был выполнен, и боец отправился догонять товарищей. Он шёл быстро, держа автомат наготове. Немцы, встревоженные перестрелкой, вели огонь наугад. Когда свист пуль становился особенно назойливым, Хазимурза ложился на 7

снег и полз меж кустов. Дальше открывалась небольшая поляна.

Едва автоматчик миновал поляну, как вдоль тропы полетели грассирующие пули. Мильдзихов залёг, осмотрелся. Метрах в двухстах от него, из-за пологого холмика поочерёдно строчили два пулемёта. «Заметить не могли, — прокеслось в голове бойца. — Стреляют так, на испуг хотят взять...»

И Мильдзихов пополз дальше. Когда начинал бить правый пулемёт — он подавался влево, стрелял левый — отползал в правую сторону. Так подобрался он к самому дзоту. Здесь немцы не могли достать его из пулемёта: он лежал между амбразурами в мёртвом пространстве. Пулемёты торчали рядом. Ещё раз осмотрелся часовых нет.

Заглянул в амбразуру. В лицо пахнуло жаром от раскалённого пулемёта. Внутри блиндажа при свете копилки несколько немцев возились у пулемёта, готовили ленту. Мильдзихов лег на живот, сунул автомат в амбразуру и выпустил длинную очередь. Потом перевалился набок и хлестнул свинцом во вторую.

Дверь распахнулась, и из блиндажа бросились бежать к лесу четверо немцев. Короткой очередью Мильдзихов снял всех четверых. Из блиндажа выскочила ещё группа немцев. Боец прицелился, нажал спусковой крючок, но прозвучало только три выстрела. Два немца упали. Остальные, воспользовавшись тем, что Мильдзихову 8 пришлось сменять диск, скрылись. Для острастки

он дал вдогонку им ещё одну очередь и подошёл к двери. Она была закрыта. Кто знает, может быть, не все фашисты оставили дзот. Пока будешь возиться с дверью, немцы могут приготовиться и открыть стрельбу. Тут Мильдзихову особенно чётко вспомнились советы комиссара: для храброго бойца внезапность и дерзость — самые верные союзники. Он взял в правую руку пистолет, в левую — автомат и ударом ноги вышиб дверь в землянку. Внутри никого не оказалось. Горящий керосин из разбитой лампы разлился по полу и ярко освещал тесное помещение. Мильдзихов начал было осматривать пулемёты, но вдруг вспомнил, что не прикрыл дверь. На войне осторожность никогда не мешает. В открытую дверь может заглянуть любой, а если её закрыть, не всякий решится войти.

Приставив к косякам сорванную дверь, Мильдзихов проверил пулемёты — один действует хорошо, второй был испорчен. Мильдзихов доломал его, вытащил за дверь и разбросал части по снегу. В землянке было около десятка винтовок. Он вынул затворы, разбил о дерево приклады и тоже закинул их далеко в снег. Исправный пулемёт решил взять с собой. Обмотав себя пулемётной лентой, Мильдзихов зарыл остальные в снег и пошел в лес.

Мороз крепчал. В лесу слышались редкие выстрелы. «Не иначе, — наши ребята дерутся», — подумал Мильдзихов и направился в сторону выстрелов. Автоматчик сделал двести-триста шагов и увидел новый блиндаж. В узенькое 9

оконце пробивался тусклый свет. Не теряя времени, Мильдзихов подошёл к двери, дал очередь сверху вниз, потом поперёк. «Перекрестив» блиндаж, он ворвался в него. На полу лежали два убитых немца, но оружия не было. Видимо, здесь кто-то побывал до прихода Мильдзихова...

Едва он отошёл от землянки на несколько шагов, как услышал лёгкий хруст снега и увидел мелькнувшего среди деревьев человека. Мильдзихов залёг в снег и приготовился к бою. Вдруг раздался знакомый голос лейтенанта Глухова:

— Кто стреляет? Прекратить огонь!

Хазимурза откликнулся. Перед ним выросла фигура комиссара.

— А пулемёт откуда? — заинтересовался он.

— Я, товарищ комиссар, по дороге в гости к фрицам зашёл. Напамять взял...

Автоматчики направились к блиндажу, из которого Мильдзихов выбил немцев.

Наступил зимний рассвет. К этому времени отряд успел перерезать дорогу и занять оборону.

Бойцы окапывались, ожидая нападения врага. Автоматчики заряжали диски, проверяли оружие. Некоторые, закончив приготовления, дремали или тихо переговаривались друг с другом.

Мильдзихов возился с автоматом около землянки. До его слуха донёсся приглушённый крик.

— Товарищ комиссар, слышите — какая-то «птица» кричит... Разрешите узнать?..

Через несколько минут Хазимурза нашёл в кустарнике раненого немца. У него была разбита

ного к землянке. Вид у него был уморительный. На руках вместо рукавиц — женские чулки, натянутые по самый локоть. На голове пилотка, повязанная сверху дырявым платком. Сапоги были обёрнуты соломой и обмотаны верёвкой. Небритый и грязный, он дрожал от холода и страха. Кто-то из бойцов протянул ему флягу с водкой. Пленный отказался.

— Умереть боится, — сказал Мильдзихов, — ну, да у меня выпьет...

Он сделал глоток сам и протянул флягу немцу.

— Пей, не отравишься!..

Немец опустошил полфляги и, заискивающе улыбаясь, стал рассказывать. Он служил ракетчиком. Все было спокойно. Сидели в блиндаже. Время от времени стреляли из пулемётов. Вдруг какие-то дьяволы просунули автомат в амбразуру и начали поливать свинцом.

Все бросились к выходу, в лес. Здесь ракетчика и ранило. Кое-как он уполз в кусты, но стал замерзать и решил сдаться. Ракетчик до сих пор не мог понять, как русские могли под огнём подползти к блиндажу и захватить его.

Когда пленный узнал, что против них действовал только один боец, он не поверил и захотел посмотреть на храбреца.

Из группы бойцов отделился Мильдзихов, высокий, плечистый, с правильными чертами лица. Из-под шапки упрямо выбивался кудрявый чуб, чёрный, как воронёная сталь неразлучного с бойцом автомата.

— Вот я — автоматчик Мильдзихов. С какой стороны смотреть хочешь — спереди, сзади?

Карие глаза Хазимурзы заискрились весельем.

— А вот мой автомат. Игрушка! Смотри.

Пленный сидел под высокой берёзой. Мильдзихов указал на вершину дерева, на тонкую и гибкую ветвь, согнувшуюся под тяжестью снега.

— Смотри, — повторил он и, прицелившись, выстрелил. Срезанная пулей ветка упала к ногам немца вместе с намёрзшим снегом....

Через некоторое время, обходя место ночного боя, Мильдзихов увидел впереди ползущего немца. Тот не заметил автоматчика и продолжал, точно крот, буравить снег. Подкравшись почти вплотную, Мильдзихов дал короткую очередь над самым ухом фашиста и грозно крикнул:

— Хенде хох!

Не поднимаясь, немец вытянул руки на снегу и, совершенно потеряв голову сперепугу, закричал:

— Рус, сдавайся!

Пленный оказался ефрейтором-связистом. Он полз на наблюдательный пункт, чтобы корректировать огонь миномётной батареи. Пленный сообщил, что немцы, обеспокоенные прорывом в их тыл отряда советских автоматчиков, спешно подтягивают подкрепления на этот участок.

Действительно, вскоре началась стрельба. Первым из землянки выбежал лейтенант Ефимов, вслед за ним Глухов и Мильдзихов. В редком кустарнике, за поворотом дороги, Ефимов почти вплотную столкнулся с группой немцев. Их было

Отходить было поздно.

— Руки вверх! — крикнул Ефимов.

Немцы, сбившись в кучу, побросали оружие и подняли руки. Такая поспешность показалась Мильдзихову подозрительной.

И он оказался прав. Укрывшийся позади фашистский автоматчик насмерть сразил лейтенанта.

Немцы бросились было к оружию, но Мильдзихов опередил их и метнул гранату. Тех, кто уцелел от осколков, прошла длинная очередь его автомата.

Это была первая вылазка врага. Фашисты прощупывали силы истребителей. То там, то здесь вспыхивали короткие схватки. Шальной пулей был ранен в грудь комиссар. Мильдзихов бросился к нему на помощь, но Финкельштейн отстранил его.

— Ничего, пустяки. Дай вату, бинт...

Он расстегнул шинель, наспех перевязал рану и продолжал вести бой.

Немцы начали обстреливать автоматчиков из артиллерии. Снарядом расщепило дерево и сильно контузило Мильдзихова, но в пылу боя он даже не почувствовал боли. Связой не отставал от раненого комиссара ни на шаг.

Когда командир отряда Чернов решил лично разведать силы врага, комиссар сказал:

— Хазимурза, ты пойдешь с командиром. Ступай, я уверен в тебе...

В нерешительности Мильдзихов смотрел на Финкельштейна. Тот протянул ему руку.

— Ступай!

— А вы как останетесь? — спросил Чернов.

— Вам он нужнее, идите..

Лесом прошли около километра. Вышли из небольшую поляну. Хотели пересечь её, но в этот момент с другой стороны на поляну выскочили немцы. Их было много — человек шестьдесят. Они шли в полный рост, не маскируясь. Разведчики бросились в снег и стали отползать. Пули засвистели над головой. Рядом разорвалась граната. Обоих засыпало снегом.

Немцы уже в нескольких десятках метров. Отчётливо видны их лица, погоны на грязно-зелёных шинелях, слышны наглые выкрики. Чернов взялся за гранату...

Мильдзихов поднял свой автомат, нажал спусковой крючок. Боец скорее почувствовал плечом, чем услышал, как застрочил его стальной друг. Торжествующие крики врагов сменились стонами, воплями.

И в эти напряжённые минуты своей жизни Мильдзихов остался верен себе. Хладнокровно оценив положение, он ударил сначала в самую гущу немцев (ближние все равно не уйдут), а потом прострочил веером вокруг себя.

Видя, что Мильдзихов сумеет задержать немцев на некоторое время, Чернов, зарываясь в снег, пополз за помощью.

Скоро фашисты пришли в себя, заговорили их пулемёты.

Под перекрёстным огнём Мильдзихов продолжал драться с наседавшим врагом. Снег кипел
14 вокруг него от раскалённого свинца. Изрешечен-

ный пулями, он походил на опустошённые пчелиные соты.

К полянке подходили всё новые группы немецких солдат. Их было уже больше роты, а Мильдзихов дрался один со своим автоматом, цену которому он знал хорошо. Станковый пулемёт немцев бил вдоль тропинки. Чтобы заградиться от него, автоматчик решил использовать... самих же немцев. Солдаты выбегали на поляну, а боец длинными очередями, как кнутом, сгонял их на тропинку под пулемётный огонь. Тогда пулемёт умолкал, а Мильдзихов меткими выстрелами расстреливал немцев на тропинке.

На поляне появился фашистский офицер. В одном кителе, яростно размахивая револьвером, он кричал на солдат, неохотно покидавших лес. Автоматчик прицелился в офицера, но потом раздумал убивать его. «Успею ещё пристрелить, — решил он, — зачем его раньше времени убивать, раз он мне помогает». Так они и «работали» вдвоём: офицер выгонял солдат на поляну, а Мильдзихов расстреливал их.

Минут сорок длился этот беспримерный бой одного автоматчика с ротой немцев.

Патроны были на исходе. Хазимурза перезарядил шестой диск. В запасе оставался только один. Особенно донимал Мильдзихова ручной пулемёт, бивший с левой стороны дороги. Уже во многих местах был прострелен полушубок, пули пронзили шапку, порвали рукавицу. Пулемётной очередью срезало вещевой мешок. Патроны, сухари вывалились на снег. Потом пуля обожгла

живот, бок. А Мильдзихов всё продолжал драться. Автомат раскалился. Время от времени боец погружал его ствол в снег. Затем снова бил и снова погружал в снег. На ладонях появились ожоги. Комсомолец решил, что из этого боя ему не выйти живым. «Уложу ещё десяток, тогда пусть убивают», — подумал он и начал считать.

— За комиссара...

— За Чернова...

— За себя...

Перезарядил последний диск. Развязка приближалась. Теперь Мильдзихов исчислял время оставшимися в диске патронами. Если экономить, — хватит еще минут на пять. Пять минут жизни! Побольше бы фашистских смертей в эти последние минуты!

И тут громкое русское «ура» раскатилось по поляне. Это бежал на помощь лейтенант Глухов. Группа немцев окружила лейтенанта. Глухов разрядил в них полный диск. Потом выхватил пистолет, в упор застрелил ближнего немца, вырвал у него винтовку и штыком стал прокладывать дорогу.

Словно в тумане, увидел Мильдзихов своих товарищей, выбегавших из леса. Немцы дрогнули и кинулись наутёк. Офицер уже ничего не мог поделать со своими солдатами, и Мильдзихов пристрелил его: «помощи» от офицера больше не требовалось.

Оставив на поле боя больше двухсот трупов, немцы отступили. Хазимурза поднялся с земли.

16 — Где комиссар? — был первый его вопрос.

— Ранен, отправили в тыл. Командир убит. Командование принял я. Есть приказ перейти на другой участок.

Мильдзихов сделал несколько шагов и только теперь почувствовал, как невыносимо болела контуженная нога.

...Ночью, с трудом ступая на распухшую ногу, Хазимурза возвращался из вражеского тыла. Нелегки были эти километры ночной дороги. Дважды пришлось пробиваться через немецкие засады, пробиваться с боем, ползти целиной, обходить фашистские патрули.

Мильдзихова отправили в санитарную часть. Врач осмотрел бойца и приказал до утра оставить в санитарной палатке.

— Разрешите на минутку сходить в землянку, — попросил Мильдзихов, — вещи собрать.

Он ушёл и не вернулся.

Забрав предусмотрительно припрятанный в углу автомат, Хазимурза вышел на улицу. На его счастье мимо проезжал на санях ездовой.

— Куда едешь? Подвезёшь, может?

— Одна тут дорога, на передовые, — недружелюбно ответил красноармеец.

Он берёг коня и неохотно брал попутчиков. Но Мильдзихов, не дождавшись согласия, забрался в сани.

На медицинском пункте каждую минуту могли хватиться пропавшего раненого. Могли увидеть и водворить беглеца обратно. Мильдзихов решил схитрить.

— Там еще трое ребят выйдут, — обратился 17

он к ездовому. — Гони скорее, не то насядут, коню тяжело будет...

Это подействовало. Ездовой хлестнул лошадь, и они рысью выехали из прифронтового села.

Хазимурза Мильдзихов снова ушёл в тыл врага. Он решил во что бы то ни стало разыскать погибшего командира, и это ему удалось. Он нашёл тело лейтенанта Чернова в ложине за мостом. В стороне от дороги Мильдзихов вырыл могилу и похоронил командира. В небольшой снеговой холмик он воткнул пушистую ёлку.

Двигаясь дальше, боец столкнулся вскоре с группой немецких связистов, проверявших линию. Мильдзихов притворился мёртвым. Солдаты прошли мимо него в нескольких шагах. Когда они скрылись, он вырезал длинный кусок провода и запрятал его в снег.

На покинутых фашистами позициях Мильдзихов обнаружил исправный миномёт и с десятков мин. Повернув ствол в сторону немцев, он опустил в него мину. Что-то зашипело, но выстрела не последовало, и это смутило бойца, не умевшего стрелять из миномёта. Но уже через несколько секунд издали донёсся звук взрыва. Тогда Мильдзихов опустил вторую мину, третью. Стрелял до тех пор, пока не вышли все мины. Это был салют над могилой лейтенанта Чернова.

Немецкие артиллеристы засекли миномёт и открыли огонь из противотанковой пушки. Она таякала где-то поблизости. Определив направление выстрелов, Мильдзихов пополз к орудию.

18 Пушка была установлена в мелком ельнике,

у блиндажа. Немец с ефрейторскими нашивками на рукаве поднял руку, отдавая команду «огонь». Но раньше чем раздался пушечный выстрел, он упал, сражённый Мильдзиховым. За ним последовал подносчик снарядов. Наводчик, бросив орудие, кинулся к блиндажу, но не успел добежать до входа и свалился в снег. Весь расчёт был уничтожен.

— Это за лейтенанта Чернова! — крикнул Мильдзихов и скрылся в зарослях ельника.

На санитарный пункт Хазимурза возвратился под вечер следующего дня. Доктор отчитал его и приказал сестре не спускать глаз с неутомимого бойца.

Мильдзихова отправили в тыловой госпиталь. Он тосковал по боевой жизни, скучал о товарищах. А через три недели, встретив лейтенанта Глухова и убедив врачей, что он уже совершенно здоров, вместе с ним возвратился в отряд на передовые позиции.

Здесь он узнал, что правительство наградило его званием Героя Советского Союза.

Получая «Золотую Звезду» и орден Ленина, Мильдзихов сказал:

— Я ещё очень мало сделал для победы. Но на войне я узнал цену своего оружия и клянусь, что не выпущу его из рук до тех пор, пока в груди моей будет теплиться хоть искра жизни. Да здравствует оружие, которое даёт нам Родину!

Цена 10 коп.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит присылать отзывы
на эту книгу по адресу:
Москва, Орликов пер., 3,
Воениздат*

Редактор К. В. Бучинская

Г110113.

Подписано к печати 5/II 43 г.

Объем $\frac{1}{3}$ п. л.

Уч.-авт. л. 0,63.

Заказ 1035.

**Набрано в 1-й типографии Управления Воениздата НКО
имени С. К. Тимошенко**

Отпечатано в 18-й типографии треста «Ислюграфкнига»